

Виктор
Цой

Annotation

Повесть Марианны Цой «Точка отсчета» приоткрывает завесу «закулисной» жизни Виктора.

- [Марианна Цой](#)
    - [Точка отсчета](#)
-

Марианна Цой

Точка отсчета

Стремительный взлет популярности Виктора вроде бы заставляет начать с конца – с того времени, когда имя его стало известно очень многим. Черные дни августа 1990 года, трагедия, разыгравшаяся в Тукумсе под Ригой, нескончаемый поток писем и звонков – всё это подвигало меня взяться за перо и вновь вспоминать спряжение глаголов и заковыристый синтаксис русского языка. Однако наша с Витей совместная жизнь требует диаметрально противоположной точки отсчета во времени и пространстве, когда о нём не знал никто или почти никто.

Поэтому начинаю с марта 1982 года, когда мы, собственно, и познакомились. Теперь сама по себе тема эта, затасканная бесконечными интервью, которые приходилось давать после гибели Вити, стала приобретать какое-то особое значение. Всем хотелось бы увидеть в молодом Цое черты, определившие и его популярность, и даже случившуюся трагедию. Однако начало его музыкальной карьеры, если отбросить излишнюю мнительность, присущую его бесчисленным почитателям, не имело никаких роковых предзнаменований. И хотя звезда его уже горела, разглядеть её тогда могли очень немногие.

...В тот день мне пришлось отправиться на вечеринку к друзьям, с которыми давно не виделась. Собственно, был день рождения. Ситуация была такая. У меня был один знакомый, с которым у нас совпадают дни рождения. Он в тот год очень активно себя повел и хотел справить день рождения совместно. Я же этого не хотела, поскольку уже была, можно сказать, солидной дамой, работала в цирке заведующей цехами постановочной части и мне светило место замзавпоста.

И вообще мне уже было не интересно. Я справила день рождения так, как считала нужным дома, но он меня очень звал. Я ему сказала: «Саня, я, конечно, приду к тебе на день рождения, но только ты, пожалуйста, не афишируй, что оно ещё и мое, потому что какого-то активного участия я принимать не хочу».

Дойдя по бумажке с адресом до какой-то жуткой коммуналки в центре, я увидела там своих старых знакомых, которых давно не встречала, и мне сказали, что будут ещё Рыба с Цоем. Рыба – это Лёша Рыбин, которого, как и Витю, я тогда не знала. «Кто такие?» – думаю. Но меня это тогда совершенно не взволновало.

Это было пятого марта... Цой вошел – подбородок вперед, уже тогда, – и говорит: «Меня зовут Витя». Потом, естественно, все напились, начался полный бардак, все сидели друг у друга на ушах, и тут мне что-то понравилось. «У-у, какой щенок – Витя его зовут!..» И я ему взяла и написала губной помадой чуть ли не на физиономии свой телефон. С этого и началось. Цой начал звонить мне домой, я тоже начала ему звонить...

Он очень болезненно относился в то время к тому, что младше меня и что я обладаю каким-то заработком – по тем временам оглушительным (я тогда получала 150 рублей в месяц), и что у меня есть какие-то монументальные костюмы, в которых хоть на прием иди. А он сам себе шил штаны. Очень ловко, кстати, это у него получалось. И всё так текло, текло...

Очень большую роль в наших взаимоотношениях сыграл дом Майка, с которым я была давно знакома. Мы были бездомные. У Цоя в «Безъядерной зоне» есть такая фраза: «Ребенок, воспитанный жизнью за шкафом», – это про нас с ним. Потому что нам абсолютно некуда было пойти. Моя мама, при её обаянии и теперешней дружбе со всеми музыкантами, тогда никак не могла понять, что же всё-таки происходит. Ей казалось, что вот-вот и я буду устроена

в жизни по кайфу, а тут появилось это создание, которое к тому же ни гу-гу не говорит.

У Цоя тоже была проходная комната, родители, ещё тётя какая-то... В общем, безумная ситуация. Так мы и болтались. В день проходили офигенное количество километров, потому что погодные условия не всегда позволяли сидеть на лавке, и маленькая, похожая на сосиску, комнатуха Майка и Натальи, где они до сих пор живут с сыном, была единственным местом, куда можно было придти и расслабиться.

От меня тогда вообще отскакивала всякая информация о питерских музыкальных кругах. Образование на эту тему включало майковскую «Сладкую N», какой-то альбом «Аквариума», не застрявший ни в голове, ни в сердце, и поход на концерт в тогда уже функционирующий рок-клуб. С концерта я сбежала после героического опуса «Россиян» про хризантему и чертополох.

Через какое-то время, опять же где-то в гостях, у Вити в руках оказалась гитара. Помню, я испугалась – мне уже приходилось выслушивать сочинения моих разнообразных знакомых. Ничего, кроме тихого ужаса, я при этом не испытывала. Но Витю, после того как он спел своих «Бездельников» и «Солнечные дни», захотелось попросить спеть ещё.

Чувство, которое я испытала, услышав его впервые, скорее можно назвать изумлением, а не восторгом. Потому что... Потому что потому. Короче говоря, не ожидала я от девятнадцатилетнего Цоя такой прыти!

Мне стало скучно ходить на работу. Цирк стал пахнуть плесенью. Скачки по служебной лестнице вдруг показались лишенными смысла. Мне захотелось стать бездельницей.

Витя притащил аквариумский «Треугольник» и рассказал, что с помощью Боба и его друзей заканчивает записывать свой первый альбом. Это был

знаменитый теперь альбом «45», в котором, кроме Вити, участвовал Рыба в качестве гитариста и многие музыканты «Аквариума». Еще Рыба исполнял обязанности менеджера группы «Кино». Собственно по тогдашнему статусу группы это ничего не означало.

Правда, именно Рыба познакомил Витю с Каспаряном, но это произошло позже, а тогда они записали первый альбом и готовились к первому концерту в рок-клубе.

Я не очень хорошо помню этот концерт. Меня удивило, что Витя совершенно не нервничал перед первым своим выходом на сцену. Только спустя некоторое время я поняла, что это не так. Просто волнение его было совершенно незаметно для посторонних.

Итак, Витя старался, Рыба очень старался, старались также помогавшие «киношникам» Дюша, Фан и БГ. На последней песне выскочил даже Майк. Но, не смотря на все старания, ничего путного не получилось. Что-то было! Однако неприятный осадок от первой неудачи испарился довольно быстро.

В городе наступило «+25 – лето». Началась летняя маята. Меня опять потянуло на вступительные экзамены в «Муху», куда мне ни разу ни разу не удавалось сдать хотя бы стабильно. Я железно что-нибудь заваливала.

В то лето я уже сама не была уверена – стоит ли затевать это вновь? Но привычка оказалась сильнее, и я опять подала документы. Когда Витя об этом узнал, молчаливому его возмущению не было предела. По его мнению, было нужно, то есть просто необходимо, поехать к Черному морю и жить там в палатке. И потом, зачем поступать, если это вообще не нужно?

– Ты что, хочешь стать художницей? – спросил он так, будто я добровольно собиралась вступать в коммунистическую партию.

Я, конечно, сказала, что не хочу, – и не стала. Более того, в «Мухе» больше никогда не появлялась. Мне стало совершенно наплевать на дальнейшую мало-мальскую деятельность, и все принципы, которые казались правильными целых 23 года, улетучились как дым.

Я уже потихоньку стала помогать ему в работе и учасковать в его мытарствах. Стала что-то понимать во всей этой музыкальной кухне. Но всему этому ещё только суждено было случиться, а пока мы быстренько наковыряли каких-то книжек, снесли их в «Букинист» и купили билеты на поезд.

До отъезда оставалось недели две. Рыбе удалось к тому времени «нарыть» в Москве какие-то квартирные концерты с помощью Сережи Рыженко, с которым они тогда очень дружили. О поездке мы узнали за две часа до отхода поезда. Мы заметались по квартире, собирая вещи, мой скотч-терьер Билл, обладавший сквернейшим характером, тоже ужасно занервничал и сперепугу, что его сейчас бросят навсегда, прокусил Вите руку. Пока ночью мы тряслись в жутком сидячем вагоне, рука посинела и надулась, как подушка.

Несмотря на это, «квартирники» были мужественно отыграны, и мы отправились в гости к Саше Липницкому. Кстати, на одном из этих концертов Витя впервые пересекся с Густавом, однако их дружба и советная работа началась только года через два.

Мы бодро топали в сторону Садового кольца к незнакомому и загадочному хозяину дома, о котором в питерской тусовке уже ползали самые невероятные слухи.

Липницкий тогда ещё не был музыкантом группы «ЗВУКИ МУ», а был таким всеобщим меценатом, который принимал большими партиями нищих музыкантов из Питера и не только из Питера, всех кормил, поил, возил на роскошную родительскую дачу

на Николиной Горе и вообще всячески ублажал. Кроме того, он был счастливым обладателем видеомagneтофона, который в те времена приравнялся к космическому кораблю.

Цой с Рыбой сыграли хозяину дома и его немногочисленным гостям, в числе которых был Артём Троцкий, коротенький концерт, а потом Липницкий засунул в магнитофон кассету с «Героями рон-н-ролла». У него было несколько музыкальных видеокассет, и мы смотрели их без остановки. Заканчивали и начинали смотреть сначала. Этот марафон продолжался двое суток, пока нас не вернули к действительности явившиеся с юга Боб с женой Людмилой – черные как негры. И тут мы вспомнили о своих билетах и помчались в Питер, откуда через неделю с двумя нашими друзьями отбыли по горячим следам Гребенщикова в Малоречку – небольшой крымский поселок, где и прожили в палатке у самого моря целый месяц.

Сейчас я просто не могу рассказать об этом путешествии, не нахожу слов, потому что по прошествии стольких лет выгорели в памяти яркие краски. Но музыку той поры я буду слышать всегда. «Музыку волн, музыку ветра...»

Я вижу, как волны смывают следы на песке,
Я слышу, как ветер поет свою странную песню,
Я слышу, как струны деревьев играют её,

Музыку волн, музыку ветра.

Здесь трудно сказать, что такое асфальт.
Здесь трудно сказать, что такое машина.
Здесь нужно руками кидать воду вверх.

Музыка волн, музыка ветра.

Кто из вас вспомнит о тех, кто сбил с дороги?
Кто из вас вспомнит о тех, кто смеялся и пел?
Кто из вас вспомнит, чувствуя холод приклада,

Музыку волн, музыку ветра?

Чудесные дни в Крыму подошли к концу. Питер встретил нас дождём. Я вернулась в свой цирк, а Цою предстояло распределение на работу, поскольку училище реставраторов, где он учился, выдало ему диплом резчика по дереву с обязательной двухгодичной отработкой по распределению.

В октябре мы с помощью Витиной мамы сняли комнату в двухкомнатной квартире на Московской площади. Это было первое наше собственное пристанище, куда мы, собрав пожитки, сбежали из родительских домов – сбежали, потому что очень хотели жить вместе.

Витя очень неудачно распределился в Пушкин, куда нужно было мотаться к восьми часам утра. К тому же его почему-то оформили не резчиком, а реставратором лепных потолков, а это означало, что нужно целыми днями торчать на стремянке под этими самыми потолками. С потолка, конечно же, сыпалась дореволюционная пыль, от которой у Вити трескалась кожа на пальцах. Его любимое занятие – гитара – потихоньку стало напоминать пытку. Но он всё-таки играл каждый день. Пальцы кровили. Витя пошел к врачу. Ему опять «повезло». В кабинете таращили глаза штук пятнадцать молоденьких практиканток. Вместо рук у Вити стали осматривать живот и спину. Слава Богу, дальше этого дело не пошло. По поводу рук не глядя выписали какую-то мазь. Мазь тоже не помогала.

Тем не менее гитара звенела всё время. И как-то раз слякотным вечером вернувшись с работы я познакомилась с «Последним героем».

Ночь коротка, цель далека,
Ночью так часто хочется пить,
Ты выходишь на кухню,
Но вода здесь горька,
Ты не можешь здесь спать,
Ты не хочешь здесь жить.

Доброе утро, последний герой!
Доброе утро тебе и таким, как ты,
Доброе утро, последний герой.
Здравствуй, последний герой!

Ты хотел быть один, это быстро прошло,
Ты хотел быть один, но не смог быть один,
Твоя ноша легка, но немеет рука,
И ты встречаешь рассвет за игрой в дурака.

Утром ты стремишься скорее уйти,
Телефонный звонок, как команда «Вперед!»
Ты уходишь туда, куда не хочешь идти,
Ты уходишь туда, но тебя там никто не ждет!

Рыба с Цоем затеяли новую запись. По чьей-то наводке они познакомились с одним театральным звукорежиссером, который из каких-то своих соображений помогал некоторым музыкантам. Разыскали барабанщика, которым оказался Валера Кириллов, впоследствии – барабанщик «Зоопарка». Было записано несколько вещей, но что-то не сложилось. Поначалу Вите всё очень нравилось, но потом он как-то быстро к этому остыл. Однако

несколько вещей всё же было закончены. По странному стечению обстоятельств единственная бобина с фонограммой сохранилась именно у Кириллова, с которым сразу после той записи пути разошлись.

Жизнь наша в неуютном чужом жилище протекала очень тихо. Витя маялся с рестовраторством монархических потолков, а мне целыми днями приходилось довольствоваться колоссальным интеллектом цирковых артистов. Гости к нам, не в пример следующему пристанищу, забредали редко. И очень нервировало условие, заранее поставленное хозяевами, – мы должны были убраться из квартиры перед самым Новым годом.

Как-то раз из Москвы приехал Рыженко. Я помню это потому, что в тот вечер Цой спел нам новую песню. Это был «Дождь для нас».

В моем доме не видно стен,
В моем небе не видно луны.
Я слеп, но я вижу тебя,
Я глух, но с слышу тебя.
Я не сплю, но я вижу сны,
Здесь нет моей вины,
Я нём, но ты слышишь меня,
И этим мы сильны.

И снова приходит ночь,
Я пьян, но я слышу дождь,
Дождь для нас...
Квартира пуста, но мы здесь,
Здесь мало, что есть, но мы есть.
Дождь для нас...

Ты видишь мою звезду,
Ты веришь, что я пойду.
Я слеп, я не вижу звезд,

Я пьян, но я помню свой пост.
Ты смотришь на Млечный Путь,
Я – ночь, а ты – утра суть.
Я – сон, я не видим тебе,
Я слеп, но я вижу свет.

Новый восемьдесят третий год встречали скверно. У Вити ещё не зажили руки, меня донимала зубная боль. В общем-то, это плохая примета – болеть в новогоднюю ночь. Но мы в приметы тогда не верили. Однако к концу того года, который встретили болячками, пришлось поверить. Год был «моим» по восточному гороскопу и тем самым вселял надежду на какое-то везение. В результате же это было для нас самое бестолковое и нервное время с мизерными творческими результатами для Цоя. К концу года мы оба оказались в больницах, причем я чуть не загнулась. На примере «моего» года Витя стал очень осторожно относиться к «своему». Ведь он был Тигр, а в тигрином гороскопе сказано, что эти люди не часто доживают до зрелых лет.

В середине января мы переехали в другую квартиру, которую сняли на Охте. Туда приходило такое множество народа, что всех и не вспомнить. Пусть простят меня те, кого забыла.

Витя так достал своего мастера-начальника абсолютно наплевательским отношением к монархическим потолкам, что тот отпустил юного реставратора на все четыре стороны. И дальше его занесло в какой-то садово-парковый трест, где он резал скульптуру для детских площадок. Тоже не особенно усердствуя. Он тогда больше увлекался резьбой нэцке и делал их настолько мастерски, будто учился этому искусству долгие годы у восточных мастеров, вырезанные фигурки он щедро дарил, и сейчас, приходя к друзьям, я вижу эти маленькие осколки памяти.

Дом, где мы жили, стоял на проспекте Блюхера. БГ очень ловко перевел первую часть фамилии на русский, а вторую – на нецензурный. Получилось очень смешно, мы только так её и называли. Название очень соответствовало красотам микрорайона и нашему тогдашнему достатку. Чаще всего денег в кармане не обнаруживалось.

Однако Борис Борисович с невероятной настойчивостью «нарывал» к каждым выходным пятнаху, чтобы явиться к нам в пятницу вечером, когда мы уже сидели без ног от трудовой недели, с двумя авоськами сухого, как правило, красного вина. Начинался настоящий уик-энд с пусканием пиалы по воде, с бесконечными разговорами и пением песен друг другу или тому, кто ещё не спал, или вообще никому.

Борис неизменно приходил с Людмилой и ещё с кем-нибудь. Частенько забредал к нам и Курёхин. Тогда Капитан ещё носил пальто фабрики «Большевичка» и строил бесчисленные планы. Кислорода ему не хватало точно так же, как и всем остальным, даже, может быть, в большей степени. Но 83-й год только начинался, печень от красного вина ещё не болела, а перемен мы только ждали, причем совершенно не были уверены, что дождёмся.

БГ тогда уже распрощился с привычкой топать на работу ежедневно, что удалось совсем не просто. Он потихоньку размыкал замкнутый круг «квартирников» и «подпольных» концертов, созданный различными комитетами, работниками советской культуры и ещё чёрт знает кем.

Витя маялся на работе, мечтая уйти в кочегары или сторожа, где работа – «сутки через трое». Борис же мечтал вступить в творческий союз или профессиональное объединение, чтобы иметь официальное право не служить, а заниматься только

творческой работой. Ему удалось это сделать лишь года через два.

Хотелось как-то решить проблему «литовки» текстов, которые тогда допускались к исполнению через один. Из-за безобидного Витино «Бездельника» можно было схлопотать серьезные неприятности. Боб их уже имел, написав своего «Ангела всенародного похмелья», – крамола да и только! У нашего народа не бывает похмелья, тем более после народных праздников.

Короче говоря, неприятие официозом этой музыки было железно. Несчастные работники Дома самодеятельного творчества, на которых сваливалась обязанность литовать тексты, предпочитали пред «мероприятиями рок-клуба» брать больничные листы. А музыканты мечтали о таких концертах, когда слушателей в зале будет чуть больше, чем милиционеров.

Ко всему этому у Вити ничего не получалось с составом группы. Отношения с Рыбой стали натянутыми, а встречи не приносили удовольствия. Правда, уже приходил, но ещё не стал родным Каспарян, рассказывал об учебе в техникуме, и они с Витей подогу разговаривали о хорошей гитаре, которой не было ни у одного, ни у другого.

Январь 83-го, как сейчас помню, выдался чересчур суровым. Наш дом так по дурацки располагался, что добраться до него можно было только на троллейбусе. Рядом с домом было троллейбусное кольцо – тройка, девятнадцатый и ещё какой-то. И этим троллейбусам очень не нравилось ездить в двадцатиградусные морозы, во всяком случае, если они ездили, то очень медленно. Мы жутко замерзали. У нас эти троллейбусы сидели в печенках.

Наступил февраль, а с ним знаменитая дата – тридцатилетие Севы Гаккеля. Это было 19 февраля

1983 года. Юбилей отмечался концертом в рок-клубе, где играли «Кино» и «Аквариум». Первая песня «Кино» – «Троллейбус, который идет на восток».

Это был второй электрический киноцерт группы в её жизни. Первый состоялся почти год назад и, как положено первому блину, вышел комом. Второй ком тоже вышел блином. Чорт-те что с составом! Рыба ещё не исчез, но это был, так сказать, прощальный ужин. С перепугу или ещё из каких соображений он забыл застегнуть молнию на брюках, к тому-же очень активно двигался по сцене, видимо, решив стать шоуменом. Юрик Каспарян с остекленевшим взглядом и одеревеневшими ногами терзал свою «Музиму», а рядом стоял какой-то приятель, который почему-то решил, что он бас-гитарист. С таким-же успехом это могла сделать я или первый попавшийся водопроводчик. Я уже не помню – кто там был на барабанах, помню только, что весь состав на сцене Цою не помогал, а ужасно мешал, и, несмотря на все Витины старания, ничего хорошего не получилось.

Слава Богу, что уже год как существовал альбом «45», иначе не миновать Цою насмешливых реплик из публики или даже «подарков» в виде всяких предметов, летящих на сцену.

У Вити совершенно не было опыта концертной работы, к тому же совсем не на пользу пошло соседство с «АКВАРИУМОМ». Цой сделал из этого выводы и вновь допустил подобное соседство уже много позже, когда совершенно был уверен в себе.

После концерта мы с ним немного погоревали и пошли на банкет, который принял необычный размах в силу того, что герой дна Сева сторожил тогда какой-то техникум, и гости повалили прямо туда. Это мероприятие сложилось для нас много удачней, а разнообразные слухи о вечеринке ещё долго ползали по питерской музыкальной тусовке.

В марте мне нужно было сдавать новую цирковую программу к весенним школьным каникулам. На мне «висели» декорации и костюмы. Времени, как всегда, было в обрез. Народный артист СССР Олег Константинович Попов, придумавший всю эту белиберду, обещал снять живьем кожу с нашей постановочной части. Мы работали по восемнадцать часов в сутки, засыпали на ходу, а Витя зверел от одиночества в нашей комнатухе на Блюхера.

«Но акробаты под куполом цирка не слышат прибой», – и Цой наказал их за это. Я уволилась.

В рок-клубе началась великая суета. Впервые в городе, да и в стране, проводится официальный рок-фестиваль. Сначала всех прослушивали и отбирали. Потом компоновали и проводили концерты, которые длились три дня. А уж потом жюри, в состав которого входили те же работники культуры и комитетов, вряд ли слышавшие что-нибудь, кроме Пьехи и Кобзона, расставило лауреатов на какие-то дурацкие места.

Хронический идиотизм, столь, свойственный нашей стране, в те времена с особой силой проявлялся на идиотских мини-спектаклях, которые разыгрывало такое жюри на так называемых «обсуждениях», когда эти люди пытались что-то прояснить по поводу выступления той или иной группы, в текстах и музыке которой они явно ничего не понимали и не хотели понять.

«Обсуждения» велись с плохо скрываемым подтекстом: будете вякать, мы вас вообще прикроем.

Именно по этой причине, как мне кажется, диплом первой степени на том фестивале получила «Мануфактура» – это группа, максимально приближенная к эстраде. Заслуженный «Аквариум» был задвинут на второе место, а «Зоопарк» во главе с Майком вообще не попал в число лауреатов.

Но несмотря ни на что приз зрительских симпатий получили «Странные Игры», и вообще, это был кайф!

Мы с Витей ходили на все концерты, как на работу, не было желания ничего пропускать. «Чего не играешь?» – по двадцать раз на дню спрашивали его. И это досаждало, как мозоль. Он только руками разводил:

– Состав нет...

– А в акустике?

– Не хочу.

Боб водил Цоя за собой всюду – на какие-то тусовки по поводу всем на «понятных» курехинских опусов, на квартирные концерты, в гости да и просто в баню. Сзади обычно тащились мы с Людкой. Летом 83-го года мы часто ездили на велосипедах в Солнечное из Белоострова, где у Севы Гаккеля была дача. Я с удовольствием проделала бы этот путь на электричке, но все ехали на велосипедах, по-другому было нельзя. В солнечном мы изображали «активный отдых» со всеми вытекающими отсюда последствиями: в частности, изображали из себя нудистов, купаясь и загораая голышом. Потом тем же маршрутом возвращались обратно.

Сейчас такие прогулки мне страшно даже представить. Разве что на такси. Но тогда нами руководила не безумная страсть к туризму, тем более, к велосипедному, не кислородное голодание, а чувство самосохранения. Состояться в том качестве, в котором нам всем хотелось, можно было только сообща.

Не было ничего – ни гастритов, ни радикулитов, ни мешков под глазами, а заодно совсем не было денег, хотя их отсутствие, по-моему, сказывается положительно на творческой потенции и живости ума.

В одно из таких воскресений мы не поехали за город. У меня была вывихнута нога. Витя с удовольствием удалился в угол с гитарой, а я накупила щавеля и весь день провела на кухне, приготавливая

зеленые щи. По моим расчетам, их должно было хватить дня на три, что было классно, потому, что в кармане оставался рубль, а в углу, где обычно стояли спасительные пустые бутылки, можно было обнаружить только пыль.

Но тут под окнами нашего второго этажа раздалось знакомое улюлюкание друзей, мои трехдневные планы полетели ко всем чертям, а Вите не пришлось больше гадать – кто будет его гостем.

Вечер, я сижу дома.
Это зима, это декабрь.
Ночь будет холодной.
Если верить часам, она уже рядом.

Эй, кто будет моим гостем?

Пить чай, курить папиросы,
Думать о том, что будет завтра,
Завидовать тем, кто знает, что хочет.
Завидовать тем, кто что-нибудь сделал.

Эй, кто будет моим гостем?

Расскажи мне, что происходит.
Удивите меня, расскажите мне новость.
Убейте меня, рассмешите меня.
Кто придет ко мне, подай голос.

Эй, кто будет моим гостем?

В велосипедных муках тянулось лето. Витя работал на Каменном острове в парке с фамильярно-игривым названием «Тихий отдых». Он вырезал что-то устрашающее из огромного бревна. Наверно, это и

сейчас там находится. А я днем привозила с Охты горячую еду и купалась в пруду с пиявками.

Боб с Людкой стали собираться в нашу любимую Малоречку, и мы уже строили совместные планы. Но тут грянул гром: про Цоя вспомнили Вооруженные Силы.

Раньше Цой очень успешно косил армию, учась в разных ПТУ. ПТУ привлекали его как раз с этой точки зрения, потому, что оттуда в армию не забирали. Потом ему стукнуло двадцать один, и военкомат решил заняться им всерьез. Но он уже был Виктором Цоем и уже никак не мог уйти в армию.

Он мне сказал: «Я уйду в армию, а ты тут замуж выйдешь». Я говорю: «Ты что, с ума сошел?». На самом деле он просто не мог на два года оставить рок-н-ролл и уйти в какие-то войска. Все кругом косили, все как-то нас поддерживали: «Ну, подумаешь, сумашедший дом! Ну посидишь ты там две недели!..» Вышло полтора месяца.

Страшно вспомнить, как он туда сдавался. Я заделалась там за бесплатно делать всякую наглядную агитацию, писать психам: «Мойте руки после туалета!», «Увеличить оборот койко-мест». Это было полное безумие. За это мне разрешили с ним видеться каждый день. Обычные свидания там раз в неделю.

БГ послал ему через меня какую-то дзенскую книгу, которую Витя на Пряжке так и не открыл. От нашей самой гуманной психиатрии в мире у него чуть не поехала крыша всерьез. Я не буду рассказывать о жутких условиях для несчастных людей, попавших в эту больницу, о практике делать уколы исподтишка спящим и прочих вещах, о полной безответственности и нечестности. Это всё по прошествии времени потихоньку исчезает из памяти. Помню только, что лечащий врач с маниакальной настойчивостью принялся выискивать изъяны психики пациента или же вывести его на чистую воду как симулянта. Его страшно

раздражало, что он молчун. Но Цой упорно не отвечал на его вопросы – просто в силу природного характера, а не оттого, что хотел подразнить. Их единоборство продолжалось почти шесть недель.

Наконец, врач сдался, и Витю, почти прозрачного, выписали на волю законным советским психом.

Я пришла в военкомат, вся расстроенная, заплаканная. А плакала на самом деле я потому, что просто боялась очередного призыва. Они говорят: «Ну что, он на самом деле так плох?». Я начала реветь. Они говорят: «Ну, бедная ты, ты ещё за него замуж собираешься – сумасшедший же он! Жить с ним всю жизнь! Никуда, – говорят, – он не пойдёт, не нужен нам такой». Когда Витя получил белый билет – это был праздник.

После больницы он чувствовал себя очень плохо. По нашим гуманным законам из сумасшедшего дома выписывают прямо на работу. Видимо, в качестве наказания. Начальник, увидев его, неподдельно испугался и отпустил на несколько дней оклематься.

Сразу же возобновились репетиции с Юриком. Мы старались не сидеть дома, ходили в гости, чтобы развеять хандру. А недели через две Витя на акустическом концерте с Майком и Бобом поведал публике, что, несмотря на пережитый стресс, он уже понимает, что поток атмосферных осадков – всего лишь капризы природы.

Через месяц загремела в больницу я – нечестно не ходят в одиночку. У меня началось заражение крови в результате весьма квалифицированного медицинского обслуживания.

Получая с помощью капельницы ежедневно 2,5 литра антисептика в вену, я начинала свой путь к остановке трамвая. То есть я ждала вечера, когда после работы ко мне приезжал Витя. Короче говоря, год

заканчивался мучительно, и мы вздохнули с облегчением, когда он кончился.

После всех этих нервотрепок и хвороб у Вити что-то щелкнуло в голове, и мы отправились подавать заявление в ЗАГС, где предстали 4 февраля 1984 года на торжественно-идиотской церемонии. Глоток свежего воздуха там обеспечил, естественно, БГ, явившийся в концертном гриме с намотанными на шею разноцветными тряпками.

А на следующий день в нашу несчастную квартиру набилось человек сто. Витька перенапрягся и в результате этого радостного события слег с температурой.

Еще через некоторое время кончились муки с составом. Мы уже некоторое время встречались у БГ с Сашей Титовым. Но долго не решались обратиться к басисту такого класса, обладая в группе всего лишь одним гитаристом, к которому к тому же музыканты долгое время относились с подозрением.

Однако Витя буквально задыхался от обилия незаписанного материала, и это заставило задать Титу вопрос. Тит отнесся благосклонно. Боб начал переговоры с Тропилло, у которого был записан альбом «45». Тропилло тоже не возражал.

Запись заняла, если мне не изменяет память, не больше трех недель. И «Начальник Камчатки», так давно рвавшийся наружу, наконец родился.

На сегодняшний день в дискографии группы между альбомами «45» и «Начальник Камчатки» обязательно стоит альбом «46», датированный 1983 годом. Витя сделал эту запись на бытовом магнитофоне у Алексея Вишни исключительно для того, чтобы у Юрика была возможность дома заниматься с этим материалом. Но Вишня был на этот счет другого мнения и дал записи ход. Цой немного позлился да и плюнул, но сам никогда не называл эту работу альбомом группы.

Тогда выход любого альбома становился событием. Групп было много меньше, чем сейчас, а возможностей записи – вовсе никаких. Хорошим тоном считалось не только как можно скорей послушать, но и сразу же начать обсуждать. Да ещё настрочить рецензию и разобрать всё по костям. Витя все эти разборки выносил стоически, чего не могу сказать о себе.

Я и теперь лезу на потолок, читая опусы об «Объекте Насмешек». А тогда самообладание отказывало вовсе. Все песни «Начальника Камчатки» возникли рядом со мной, я присутствовала при их рождении. И столкнувшись лицом к лицу с бесцеремонной критикой, я просто зверела и жалела лишь об одном – что под рукой нет такой портативной газовой камеры для критиков.

Судьба, видимо, устала водить Цоя за нос и вновь столкнула с Густавом. Завязались какие-то отношения – и «Кино» уже в полном составе, который два года Вите снился, рвануло на предфестивальное прослушивание. К этому времени Витя сделал меня администратором группы, внеся в её список, что наделало немалый переполох, поскольку опыты такого рода всегда заканчивались неудачей. Группу вставили в график, и, явившись в назначенный день в какой-то клуб, они сыграли перед отборочным жюри короткую программу.

Сейчас пишут, что это произвело слабое впечатление, что группа сыграла вяло и тому подобное.

Не знаю, как было на самом деле, во всяком случае им сказали: нет. Витя, и так молчаливый, на два дня вообще потерял дар речи. Он ходил такой мрачный, что я на правах администратора пошла в рок-клуб и наорала на первого попавшегося гардеробщика. Это, само собой, результата не принесло. Но благодаря усилиям некоторых подвижников, которые, кстати, не входили в отборочное жюри, но оказались

дальновиднее, ценой участия БГ и звонка Троицкого из Москвы «Кино» на фестиваль прорвалось.

Сам фестиваль имел в качестве девиза какую-то патристическую фразу, причём всем группам предложили спеть по одной песне, связанной с этим девизом. Что-то там про борьбу за мир, кажется. Цой взял и написал «Безъядерную зону». И тут одумавшееся жюри решило открыть фестиваль этой песней в сольном исполнении Цоя, а само выступление группы поставили последними на фестивале.

Три дня фестиваль утопал в табачном дыму. И, конечно, на последнем концерте все уже хотят спать или хотят домой. Довольно сложно заставить их встряхнуться и развесить уши. К тому же «Кино» больше года не выходило на сцену. Цой играл акустику несколько раз на квартирах или в малюсеньких залах, сидя на стуле. И всё же он заставил себя слушать! По общему мнению, финал фестиваля благодаря «Кино» получился классным.

По-видимому, мучительный период неудач сыграл положительную роль. Наконец всё, как говорится, срослось, и Цой показал, на что он способен.

Вскоре нас выкинули из квартиры на Охте, как это рано или поздно случается, когда снимаешь чужое жильё. Мы перебрались к моей маме на проспект Ветеранов. Витя окончательно устал от восьмичасового рабочего дня и покинул свой садово-ягодный трест.

В июле мы уже по традиции поехали поздравлять Сашу Липницкого, уже музыканта «Звуков Му», с днем рождения. В тот год Липа затеял мини-фестивальчик на Никольской Горе. Играть должны были только друзья. Но место, где находятся эти дачи для больших начальников, не очень подходило для подобного безобразия. Нам всем с большой поляны пришлось перебраться в сад на садовом участке.

Толпа гостей, как водилось на Сашиных днях рождениях, была огромной. Устав от бесконечной трескотни, я пошла забивать спальное место. А Витя веселился до упаду. Он редко расходился, но уж если такое случалось, то на всю катушку.

Утро началось с рассказов о его подвигах, которые казались неправдоподобными. Особенно глядя на него, тихо попивавшего чай на веранде.

В то лето денег не было хронически, а на юг очень хотелось, тем более что прошлогоднее лето было безнадежно испорчено несостоявшимся призывом в армию. Всеобщий приятель Сережа Фирсов, работавший тогда проводником на железной дороге, уже свозил «зайцами» в Крым толпу безденежных музыкантов. Мы вписались во вторую партию. Ехать предстояло в плацкартном вагоне Ленинград – Феодосия. Он прицепной или отцепной, не знаю, во всяком случае, в нём, несмотря на разгар сезона и полное отсутствие билетов в кассах, пассажиров оказалось не более десяти. Не считая, конечно, «зайцев».

Наш партизанский отряд насчитывал человек шесть-семь, хорошо знавших друг друга.

Едва мы отвалили, как Фирсов начал инструктаж по закусу проверок. Первые контролёры не заставили себя ждать. Фирик дал команду, и мы бросились в ящики под нижними полками.

Контролеры нас по-собачьему унюхали и топали по вагону добрых полчаса, хотя и не нашли.

Ящик под полкой, такой большой с виду, оказался всё-таки тесноват, и у меня свело ногу от долгого сидения в нём. А в Витькином рундуке вообще недавно кто-то умер, поэтому он чуть не задохнулся и, рискуя быть обнаруженным, высовывал в щель кончик носа. К счастью, у пассажиров нашего вагона настроение было отпускное, и они всячески старались нам помочь.

После этого мы категорически отказались сидеть в этих рундуках. Второй контроль ожидался вечером. Нас с Витькой закинули на багажную полку в купе для проводников и загородили огромным чемоданом, который раскачивался и больно бил меня по коленкам. Витя за спиной беззвучно трясся от смеха, но контролёр оказался не настырный и довольно быстро свалил. К позднему вечеру проводники поезда, в основном студенты, как-то пронюхали, что в фирсовском вагоне едет Цой. Побросав своих пассажиров, они сбежались к нам с безалкогольными напитками и раздолбаной гитарой. Всю ночь вопили на разные голоса, а утром Витя обнаружил, что не может говорить – голос был сорван.

Через сутки мы уже топали по пирсу в Коктебеле и, сняв сарай на задворках какого-то дома, зажили беззаботной южной жизнью. Дурацких антиалкогольных законов ещё никто не издавал, на каждом углу стояли автоматы с молодым вином, а на пляже чуть ли не каждый день мы встречали «своих» из Питера.

Та поездка по своему безрассудству была особенно выдающейся. Недели через две с неба свалился Густав и утащил нас в Гурзуф, где жить было дороже и неудобней.

Случалось, ночевали на пляже, иногда днями ничего не ели, потом долго ждали нашего Фирика, который всё никак не приезжал за нами. Убегали от настырных хозяев, ныряли в море за пустыми бутылками, дабы их сдать, трескали несчастных мидий. Живя в Коктебеле, ходили заброшенной дорогой римских легионеров в Старый Крым по горам, поросшим орешником. Это было настоящее южное безумие – последнее в наших с Витькой отношениях. Да и Цой, свободный тогда от лихой своей популярности, последний раз мог себе

позволить поболтаться по Крыму, не рискуя быть растерзанным собственными поклонниками.

По возвращению домой мечта Цоя сбылась – он стал кочегаром. Правда, это была ещё не знаменитая впоследствии «Камчатка», а совсем другая котельная. Находилась она в жутком месте, которых в Питере пруд пруди. С одной стороны кладбище, с другой – парк, а вокруг какие-то руины, где стоями бегали бродячие собаки. Огромный пустырь был завален деревянными ящиками, в центре стоял сарай, половину которого снимал сторож, карауливший ящики, а половину – кочегар, который топил котёл, чтобы сторож не замерз. Причем топил теми же ящиками, которые сторож сторожил. Получался нормальный перпетуум мобиле.

Осень была как осень. Витя дважды летал на Восток играть акустику. Первый раз с Майком в Свердловск. Там оба отравились напитком под названием «Горный Дубняк». Не знаю, насколько он горный, но дубняк у вернувшегося Цоя был полный.

Второй раз, уже один, он побывал в вольнодумном новосибирском Академгородке. Дубняка, по счастью, там не было, но нагрянула нелетная погода, и вместо трех дней пришлось торчать там целую неделю.

К концу зимы у Вити уже созрел материал альбома «Ночь», и он начал терзать звонками Тропилло.

Ежегодный рок-фестиваль, без которого уже как-то трудно было себе представить питерскую музыкальную жознь, в том сезоне был перенесен с мая на март, так как в мае вся страна собиралась отмечать 40-летие Победы. По-видимому, этот сорт музыки не соответствовал освобождению Европы от фашизма.

Я думаю, те, кому интересно, как выступило «Кино» на этом фестивале, смогут найти рецензии в самиздате, где журналисты, занимаясь своим делом, описывают события более-менее хладнокровно. Могу добавить только, что Цой оставил гитару, к которой, как считали

многие, был накрепко привязан. Весь концерт он двигался по сцене с микрофоном – легко и пластично. Злые языки потом говорили, что он «нахватался» от «Дюран Дюран». Может быть... Может, и не только у «Дюран Дюран». Неважно, кто натолкнул его на эту мысль. Главное, что у него получилось нормально.

Музыканты закончили запись «Ночи», но альбом не вышел из-за каких-то планов звукорежиссера. Витя устал с ним бороться и уселся за запись другого альбома в домашней студии Вишни. Альбом был записан очень быстро и получил название «Это не любовь».

В июне Витя с Майком получили приглашение на «квартирник» в Киев. Там их и арестовали.

Я в этот период обманывала пивоваренный завод «Вена». То есть устроилась на работу дней за сорок до того, как должна была уйти в декрет. Хитрость удалась. Приступив к работе в качестве диспетчера емкостного пива, я ездила туда к 8.30 утра занимаясь бессмысленными почеркушками в путевках водителей.

Через день после отъезда звонит Цой и говорит, что всю прошлую ночь пел не на квартире, а в районном управлении внутренних дел. И сидеть ему там неизвестно сколько. Пришлось приложить некоторые усилия, чтобы не родить до срока. Однако киевские блюстители порядка немного поиграли с музыкантами как кошка с мышкой, да и отпустили их с Богом.

Накануне рождения нашего ребенка нас чёрт понес на дачу. Проснувшись там часов в 5 утра, я со всей очевидностью поняла, что поездка была ошибкой. Мы помчались на ближайшую электричку, которую по законам подлости отменили. Пришлось торчать на платформе часа два. Витька нашел помятую газету и, чтобы как-то справиться с растерянностью, сделал мне из неё панамку.

Встречал он нас с сыном из больницы дождливым июльским утром. Пришел задолго до выписки и был первым среди молодых отцов. Сына мы называли Сашей.

Начались нескончаемые хлопоты. У меня было плохо со здоровьем, а Витя целыми днями стирал пеленки и по ночам играл на гитаре в кухне. Тогда он работал, пожалуй, на самой мерзкой из своих работ – убирал в банном отделении по соседству. Я несколько раз ходила ему помогать и могу заверить, что занятие это тошнотворное. К тому же от каждодневных уборок в парилке у Вити стало побаливать сердце.

В начале сезона, то есть осенью, в «Кино» произошли перемены – ушел Тит. Буквально за два дня договорились с Игорем Тихомировым и тут же сыграли концерт в клубе благодаря высокому профессиональному уровню нового басиста.

В январе 1986 годы вышел наконец альбом «Ночь», который потом повторила «Мелодия» с подачи Андрея Тропилло.

Витя в своих интервью достаточно резко отзывался об этой акции «Мелодии». Он таки не простил ей так называемого «пиратства». Не говоря уже о том, что не заплатили ни копейки, дело было прежде всего в оформлении конверта. Ко всем своим альбомам Цой делал оформление сам, лишь к «Группе крови» и «Звезде по имени Солнце» – в соавторстве с Густавом. Иногда фотообложки альбомов имели варианты. Например, «Начальника Камчатки» Витя сначала оформил сам, а потом появилась обложка, выполненная нашим знакомым художником. Мелодиевский же конверт, был, с моей точки зрения, ужасен.

Цой в это время играл много акустических концертов и ездил в разные города, но физически не мог принять и малой части сыпавшихся на него приглашений. Его песни очень хорошо слушали в сольном исполнении, однако желание пригласить его

одного было связано ещё и с тем, что концерт обычно превращался в творческую встречу, где высказывались, задавали вопросы. Слушателям хотелось побольше узнать о нём. Популярность росла как снежный ком, а телевидение и пресса попрежнему не баловали Цоя вниманием. Впрочем, и Цой питал хроническое отвращение ко всякого рода интервью.

По своему опыту могу сказать, как действует на нервы разница между тем, что говоришь журналисту, и тем, что напечатано в газете. Такое ощущение, что разговаривает с тобой один человек, а пишет совсем другой.

Но Витя не любил интервью и по причине природной сдержанности для посторонних. Его разговоры с залом после выступлений были рекордными по своей краткости. Если спрашивали о чем-нибудь из истории группы, ещё был шанс получить распространенный ответ, но если хотели выудить что-нибудь про него самого, скажем, про характер, то чаще всего обламывались. Как-то ему задали вопрос: что в окружающей действительности ему не нравится. «Всё», – ответил Цой.

Мне кажется, он с интересом выслушивал вопросы, они его не раздражали, скорее – нравились. Но отвечать не любил. Что касается массы писем, свалившейся на него в последние годы, он их все читал, никогда не выбрасывал, но никогда и не отвечал.

Про выступление «Кино» на очередном фестивале в 1986 году было написано, что оно не было лучшим, но отличалось стабильностью. Само же мероприятие отличалось на редкость праздничным характером. Клуб вырос из коротких штанишек, то есть из зала на улице Рубинштейна, и каким-то образом сумел охмурить администрацию ДК «Невский» с залом на 1000 мест. Тогда стадионы только снились, и «Невский» казался просто огромным.

Счастливые обладатели «проходок» и билетов замыливались туда с самого утра и торчали до позднего вечера. Кто слушал концерты, кто не слушал, главное – все виделись. А рядом Нева – для любителей пикников. Народ табунами ходил из зала в буфет и обратно.

В какой-то из дней мы с Витей вышли между концертами погулять на свежем воздухе и встретили Кинчева, который только что отдал кому-то свою «проходку». Не долго думая, Цой взял ручку и написал не своим билетом «на два лица», хотя там были указаны ряд и место. Маленький милиционерик в дверях недоверчиво посмотрел на билет, прочитал надпись, потом перевел взгляд на наши нахально-непроницаемые рожи и по-цыплячьи втянул голову в плечи.

Сразу после фестиваля «киношники» уехали на съёмки в Киев. Нас той весной доставал один новоиспеченный киевский режиссер, который хотел делать дипломный фильм непременно с этой группой. Он приезжал к нам несколько раз и наконец уговорил Цоя. Правда, пред самым отъездом в Киев, случился Чернобыль, но рок-музыкантов такая ерунда остановить не может. Предполагалось проторчать под радиоктивными осадками месяц.

А мы с Сашей поеали на дачу и сидели там среди сорняков в ожидании Вити. Съёмки, конечно, затянулись, и только месяца через полтора ребята, получив по три копейки за свои мытартсва, вернулись домой.

В то лето самым значительным событием был Сашкин день рождения – один год жизни. Ни о каких развлечениях типа юга, конечно не могло быть и речи. В конце лета Цой, как всегда, стал искать работу. Наш верный Фирик повел его в кочегарку, куда недавно устроился сам. Началась эпопея «Камчатки» – маленькой грязной котельной на Петроградской

стороне, которую после гибели Вити фаны всей страны сделали местом своего паломничества.

Место выглядело очень живописно, да и творилось там – дай Бог другим кочегаркам! Виктор Цой, уже популярный человек, кидает лопатой в топку уголь! Наш друг Раш (кинорежиссер Рашид Нугманов) как увидел это, так сразу же начал снимать свой фильм «Йя-хха!». Потом Алексей Учитель снимал здесь «Рок» – фильм, в котором приняла участие и я в качестве администратора. В общем, «Камчатка» цвела, и тусовка вокруг неё крепла. Там работал и Саша Башлачев, и Слава Задерий, устраивался туда и Андрей Шаталин, музыкант «Алисы». Короче, этакий мини-клуб музыкантов, повернутых на каменном угле. Естественно, они там и пели, и играли, а празднующихся поклонников всегда было в избытке. Странное и счастливое место!

Хотя, если по правде, там была тяжелая работа, особенно в морозы. Спать приходилось урывками. И всё время – толпа, суета, которую так не любил Витя.

А ещё был концерт во дворце молодежи, когда впервые на сцене появилась Джоанна Стингрей. Цой пел с нею «Двигайся, двигайся, танцуй со мной» – я совершенно от него этого не ожидала, стояла за кулисами (я обычно стою за кулисами, очень редко смотрю из зала, потому, что у меня всегда ощущение, что что-то случится, а в зале столько народу, мне будет не выбраться. И с «Объектом» всегда за кулисами торчу – это не так бесполезно, как кажется).

Джоанна попросила её как-то представить. Цой взял микрофон – ну, думаю, сейчас скажет: «А вот Джоанна Стингрей». А он вдруг взял и выдал, что, несмотря на недостижение соглашения между нашими странами в Рейкьявике (не знаю, как он это выговорил), мы хотим доказать, что мы хотим мира. Это была целая фраза, и это было невероятно! Все просто замерли.

Джоанна, как предприимчивая девушка уже давно дружила с советскими музыкантами и даже умудрилась выпустить двойной альбом в Америке. Туда вошли «Аквариум», «Алиса», «Странные Игры» и «Кино». Поскольку это был первый опыт, к работе над этим альбомом все относились с умопомрачительной серьезностью. Ездили на фотосъемки, переправляли фонограммы, волновались... Такая мельтешня возникала с каждым приездом Джоанны и заканчивалась только с её отъездом в теплые края Калифорнии, где, как всем казалось, доллары растут на деревьях.

Через год Джоанна стала женой Юрика Каспаряна, а пока она с удовольствием вписывалась во все концерты, включая «Поп-Механику» под руководством неугомонного Капитана. В те времена «Кино» тоже принимало полное участие в этом проекте.

В конце декабря 1986 года Витя ездил в Москву, откуда вернулся с новостями о фильме, который начинал снимать Сергей Соловьев. Главную роль будет играть Африка, будет сниматься куча знакомых, а Витю пригласили на эпизод, в котором он должен петь песню.

Я тогда не думала, что этот фильм станет началом нашего постепенного отхода друг от друга.

Цой с большим энтузиазмом вписался в это дело, у него начались поездки в Ялту, где шли съемки, а по возвращении он отрабатывал в «Камчатке» пропущенные смены, которые «в долг» отрабатывали за него друзья.

Весной нас позвали в Челябинск. Поезка была примечательна тем, что за электрический концерт заплатили живые деньги. По традиции прежних времен концерты пытались запретить. Для этого в здание Челябинского политехнического института, где нас встречали, в полном составе приехал какой-то комитет. Я пошла к ним на «ковёр» и увидела довольно пожилых

и вспотевших людей, которые нервно кричали друг на друга. Комитет настаивал на собственном прослушивании группы перед концертом, несмотря на то, что у нас с литовками всё было в порядке. Объяснять что-либо этим людям было бессмысленно. Ситуация зашла бы в тупик, если бы её не спасли студенты в зале, потихоньку начавшие ломать стулья. Концерт запустили.

Джоанна подарила «киношникам» портативную звукозаписывающую студию на 4 канала, на которой весь год они записывали «Группу крови». Очень много было всяких съёмок, записывали урывками. У Вити стали происходить перемены в жизни, в которых я уже почти не участвовала. Он уже чаще бывал вне Питера. «Группу крови» Цой выпустил уже после того, как закончил сниматься в фильме «Игла» Рашида Нугманова, и тогда этот альбом стал звучать из каждого второго окна.

Но ещё до его выпуска Цой спел программу на очередном ленинградском рок-фестивале, который стал для группы «Кино» последним. Больше она на фестивалях рок-клуба не участвовала. Эти теплые июньские дни и белые ночи вспоминаются с особым ностальгическим чувством. Музыканты с жёнами, подружками, детьми буквально гнездились вокруг Дворца молодежи на лужайках. Естественно, много пели, пили, слушали и не слушали друзей, соперников и недругов. Это был последний «взлётный» фестиваль, дальше пошло на спад.

Выступление «Кино» почему-то не покатило. В зале не было уже привычного для Вити подъёма. Встречали песни неплохо, но без сумашедшего восторга, как это обычно бывало в последние годы. Может быть, звезды расположились не так, не знаю. Бывает, что настроение публики неуловимо меняется, оно зависит от разных причин. В тот раз настроение было среднее. Это было

обидно для Вити, который любил эти песни и даже строил по поводу них определенные планы. Кстати, расчеты его оправдались, когда вышла «Группа крови». Короче, после того, как его не поняли, он обиделся. Обиделся не на кого-то конкретно, а на весь Питер.

Последний период жизни Витя провел с другой женщиной. Её зовут Наташа. Это длилось три года и было очень серьезно. О нашем разводе и речи не было, потому, что существовал Саша. Мы уже переросли эти женитьбы, разводы... Когда кто-то уходит из жизни, начинается помощь всех близких. Что сейчас нам делить, когда мы любили одного и того же человека? Три года назад Витя ушел к ней. К этому моменту мы были уже совершенно свободными людьми... Мы обе устали от недосказанности и вранья. Что случилось, то случилось, и сейчас делить его – не нужно!

Он уехал в Москву, потом приехал, снова уехал... Потом вернулись из деревни моя мама и Саша, и мы с Цоем решили вывести ребенка на юг.

Цой улетел в Новороссийск заранее, а через неделю, встретив нас, умчался в Симферополь на концерты. Там многочисленная рок-братия играла чуть ли не первые гонорарные концерты.

Мы с Сашей были на юге были два месяца. По возвращении домой Витя нас не встречал, он был с Рашидом в Москве. Начиналась «Игла».

Последний раз мы с ним изображали семейную пару на свадьбе Джоанны и Юрика. Это было очень развесистое мероприятие с фейерверком, черными «Чайками», пеной и брызгами шампанского. Знакомые для поддержания беседы что-то спрашивали меня про Витины планы, но поскольку мы уже ничего не знали о планах друг друга, ответить мне было нечего.

Я не вправе писать о последних трех годах жизни Вити – годах его звёздного успеха. Об этом пусть расскажут другие. А я о последних днях.

Юрик приехал числа тринадцатого августа из Прибалтики, где он был вместе с Витей. И тут пришла эта страшная весть.

Как это произошло? Витя поехал на рыбалку. Он ездил туда регулярно. Видимо, был определенный момент его возвращения. И когда он вовремя не приехал, Наташа забеспокоилась и поехала его искать. И увидела тот автобус, нырнувший в речку... Она помчалась в ближайший городок, потому что жили они в деревне, снимали дом. Там всё выяснилось.

Она начала звонить. Дозвонилась своей маме в Москву. Та стала звонить в Ленинград. Нашла телефон Каспаряна. Юрика не было дома. Нашли меня, а я вычислила Каспаряна по телефонам друзей. Через полчаса мы уже выехали из Ленинграда, накачавшись бензином. С нами поехал Игорь Тихомиров с женой – они буквально за три часа до этого приехали из деревни, где тоже отдыхали вместе. Мы поехали на двух машинах: они – на своей, а я с Юркой. В десять утра на следующий день после несчастья я уже сидела у следователя и подписывала бумаги. А ещё через сутки мы выехали оттуда, увозя с собой Витю...

В протоколе написано, что он заснул. В это не верит никто из близких. Витя шёл по жизни на мягких кошачьих лапах, был крайне осторожен. Я думаю, что он просто увлёкся движением – бывает такая эйфория. Ездил он на ста пятидесяти. По всей видимости, нарушение было со стороны Вити, судя по следам протекторов на асфальте. Он врезался в автобус на встречной полосе. Элементарная автомобильная катастрофа. В убийство я не верю. Цой не был человеком, которого кому-то хочется убить.

В этом городе нашлись крайне отзывчивые люди. Нам дали автобус, мы договорились с шофером, и он подписался отвезти нас в Ленинград. Без всяких остановок. Мы сели с Юркой, как только гроб погрузили

в автобус. Мы сразу вскочили и уехали, успев позвонить в рок-клуб насчет похорон. Мы хотели похоронить в субботу. В пятницу вечером его привезли.

Когда приехали, поняли, что о субботе речи нет. В городе такая волна, столько народу, что нужно какое-то время, чтобы информация распространилась – где и когда... Очень противные были статьи в газетах. Писали какие-то мамы, рабочие и колхозницы о том, что дети двое суток не ели, не пили, стояли у кладбища, а родственники даже не позволили бросить в могилу ком земли. Но если бы все бросили ком земли, то мы бы оказались в одной могиле с Витей – я, сын. Это вообще чудо, что Саня остался. Мне потом рассказали, что Витя уезжал на рыбалку в пять утра. Обычно все спали, он уходил один, а тут внезапно все вскочили. Он Сашке сказал: «Поехали со мной». И ребенок отказался. Это чудо, конечно...

А последний раз мы виделись, когда Витя забирал Саню на два месяца. Мы собрали вещи и ждали его. Саня перед приездом отца обычно нервничал. Однако Цой, пунктуальный, как всегда, не опоздал. Он взял сына за руку, и они пошли из дома.

– Ну пока. Наслаждайтесь, – говорю им вслед. У лифта он оборачивается.

– Пока. Буду звонить.